

Сергей Шабалин

КАЗНЕННОЕ СОЛНЦЕ

Сергей Шабалин

КАМЕННОЕ СОЛНЦЕ

Бостон • 2026 • Boston

Сергей Шабалин *Казненное солнце*
Sergey Shabalin *The Executed Sun*

Copyright © 2026 by Sergey Shabalin

ALL RIGHTS RESERVED. No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by an information storage and retrieval system without permission in writing from the copyright holder.

ISBN 978-1-970342-12-3 (hardcover)

ISBN 978-1-970342-13-0 (softcover)

Published by M•GRAPHICS | Boston, MA

📄 www.mgraphics-books.com

✉ mgraphics.books@gmail.com

Illustrations by Ilya Shevel

Printed in the United States of America

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

«Мальчишка странный, уличный курьез...»	7
«На подходе к проспекту побег беспризорной травы...»	10
Какава с чаем.	12
«В начале жизни дискотека...»	14
«Не экономь на виски, старина...»	16
Пожар на Патриарших.	18
«На интернете пестуют советы...»	20
«Есть „Черная речка“, есть „Желтая речка“...»	22
Ленинградский проспект	24
«В конце неповторимых девяностых...»	26
«Он Римом был. Был миром многофакторным...»	29
«Мертвый прапор глядит в овраг...»	31
Письмо в бутылке	32
«Настали пасмурные дни...»	35
«Не дождавшись письма и ответа...»	36
«В переулке вспыхивают фары...»	38
«Наш спор наивен, мой друг, отправь...»	39
Железнодорожный лубок	41
«Ни смена вех, ни ветра перемены...»	43
«Александр проснулся от спазма души изнуренной...»	45
«Во дворе еще снег не растаял...»	47
«Я отмотал назад сто тысяч миль...»	49
«Ветеран присел у окна...»	51
«притихли левые а с ними правые...»	53
А так, все в порядке...	55
«Врезка о трагическом поэте...»	57
«Корпуса неподъемных изданий прогнули стеллаж...»	58
«Мы открыли парадокс, который...»	60
«Не пророк, не хранитель летописей...»	61

«Неизвестно когда, неизвестно зачем, даже сам не пойму...»	63
«В угрюмый день, по-моему, зимы...»	64
«Лишь потому придумали цензуру...»	66
«В час пик на перекрестках ни души...»	68
«Не полковник Исаев...»	70
«зачем ты в это логово пришел?..»	73
«Я вновь услышал брань и визг...»	74
Alter Ego	76
«Не маши писательским билетом...»	78
«Был вой сирен и в кулуарах шепоты...»	79
Челси — отелю и человеку.	81
«NN пройдет до метро...»	83
«Он не умел быть правильным, похожим...»	85
«Ты оплыл как свеча, а когда-то был строен и жилист...»	87
«Эта аллея — как тоннель...»	89

Translations / Переводы

“Online, advice is lovingly dispensed...”	93
“A strange street boy, a sidewalk oddity...”	95
“No prophet, no keeper of chronicles...”	98
To Chelsea — the Hotel and the Man	100
“He never was correct, nor pleased the teachers...”	102
The Poster	104
“Once you were slim and wiry, now you’re melting like a candle...”	107
“This alley is a tunnel-like...”	109

Мальчишка странный, уличный курьез,
пример пытливой, вдумчивой натуры,
освоил роль и незаметно врос
в орнамент городской архитектуры.

Он в рюкзаке мартини приберег,
бутылку колы и травы немного,
и в парке рядом с ратушей прилег,
совпав с фигурой греческого бога.

Он, придавая полдню моветон,
взглянул с надеждой на девичьи попы,
но приоткрыл едва початый том,
вникая не спеша в «Закат Европы».

Ну, что ж, закат, сказал он, так закат,
возьмем consensus omnium на веру,
а вдалеке сгущались облака,
и самолет буравил атмосферу,

но он не для того свой день украл,
чтоб разгадать финты авиалиний,
косяк туристов, площадь и экран
с анонсом сериала «Плач богини».

Нет, он презрел тогда ручки всех слез
и скучный город — бытопись порядка,
и даже лепту мысленную внес
в живую ленту раннего упадка...

Он заведет собаку и детей
и, сделавшись успешным адвокатом,
не опознает собственную тень,
туристов презиравшую когда-то,

закажет мази для спины больной,
заварит кофе и домучит триста,
и застолбит нежданный выходной,
избрав в парламент левого центриста.

И раз в пять лет, обескуражив мир,
нащупав брешь меж службой и футболом,
семьей и псарней... он закатит пир
достойный кисти позднего Тьеполо.

Он будет вяло изменять жене,
чтоб пантеон служивых озадачить,
и вызвать зависть белую, как снег,
у друга по детсаду, не иначе,

ну а жене расскажет про тайгу,
посетует на мир, что стал преступней,
и отчитает сына за прогул
и вентиль, с мясом вырванный, на кухне.

И воду в ступе перестав толочь,
откроет пацану секрет в карьере,
и свой рецепт того, как превозмочь
порочный тренд крушения империй,

и пес его растрогает до слез,
и он приварит вентиль автогеном.
И старший отпрыск, сторбленный курьез,
приблизит гибель Рима (Карфагена)...

На подходе к проспекту побег беспризорной травы,
одичалый наследник однажды сметенного парка...
Здесь весной оживали рассады цветов, но увы,
неудобную флору сочли неоправданно яркой.

И случайный побег не забыл все, что было потом,
как пейзажный объект умерщвили рабочие в касках,
завалили песком... задавили грунтовым катком,
как зачем-то прислали патрульных в скафандрах и масках...

«Космонавты, должно быть», — решил удивленный росток
и едва не погиб под ударом монтажной лопаты,
он качнулся всем стеблем на Север, но видел Восток
и казенное солнце в багровой кровище заката.

Между тем у ограды (отнюдь не для праздничных действий)
собиралась толпа, и, казалось, народ не рассеешь,
но пришельцы в скафандрах случайно вязали людей
и топивших за парк, и любителей пива и зрелищ.

Их тогда развели по учебнику... по одному,
в отдаленных местах дожимали особо упорных,
и недавние дети побои прошли и тюрьму,
дабы не был повторно провален экзамен на твердость.

Здравствуй, юный побег, ты как прежде задирист, упруг,
не забыв об ошибках и плиты брусчатки раздвинув,
ты напомнишь сегодня о «завтра», загубленном вдруг,
и о том, что нельзя забеременеть наполовину.

Что осталось от парка? Топоним былой и сирень
за огрызком ограды... и кадры из хроник отснятых,
где под лязг автозаков и вой полицейских сирен
малышне объяснили, как скверно прослыть демократом.

Легендарный побег, словно отзвук поруганных дней,
как оттиснутый слоган на прочном площадном картоне,
буйства цвета в нем нет, есть тепло не истлевших корней,
что транслирует свет на корявом протестном жаргоне,

что поможет побуквенно вспомнить спонтанный проект,
где отдельных достоинств однажды наметилась спайка,
чтоб сберегшие память пришли на безликий проспект,
обнаружив цветы у ограды сметенного парка...

КАКАВА С ЧАЕМ

*Во всем мне хочется дойти
до самой сути...*

Б. Пастернак

Ни в чем я не хочу дойти до самой сути,
или рубить сплеча, да о чужой судьбе.
Хотите правды, что ж, тогда не обессудьте
и все начистоту... Но прежде о себе.

Мне ни к чему вся суть, я не прозревший юнга,
решивший сдать в острог плавучий свой Содом,
увы, не Шерлок Холмс, не почитатель Юнга,
совсем не доктор Фрейд и не спешу в дурдом.

Сменив разрез глазной, я поселюсь в Китае,
что происходит там — не будет волновать,
ледок из горьких правд застынет да растает,
не потревожат сон недобрые слова.

Подруги и друзья не пропоют по-русски
сонет на злобу дня, а я не делать ног
смогу от песен их, не прятать в джинсы руки,
вжимая кулаки. А, впрочем, есть Нью-Йорк.

Что вытворяют тут, меня не огорчает,
мне, в общем, наплевать на местные пике,
я здесь лишь гастролер, я пью какаву с чаем,
мне скучен их хоккей и прочий этикет.

Кобылье молоко усиливаю виски,
а грязное белье с размаху, как дрова,
переправляю в печь, застряв на время в Квинсе,
где от сермяжных правд не пухнет голова...

В начале жизни дискотека,
гудит от счастья детвора,
затем приходит ипотека,
счета оплачивать пора.
Инстинкт простого человека
верстает сущностей словарь:
сбербанк, гостиница, аптека...
над переносицей фонарь.

Нехитрых дней ингредиенты,
едва сведенные концы,
подачки, взятки, алименты,
зачапки, грядки, огурцы.
Мы все обуты и одеты,
что не вагон, то ресторан,
а в телевизоре ракеты
и государь во весь экран.

За ним рекламные картинки,
гламур от пяток до голов,
блондинки, лыжные ботинки,
повторы сплетен и голов...
Ужель так будет до могилы,
микрорайон, где все окрест
стократ исхожено, хватило б
запала хоть на переезд.

Похоже нет, куда мне, где ж нам?
Присев на пыльный парапет,
он с пивом импортным надежду
домучил, пестуя запрет,
из списка вынес осторожно,
усилил прочие табу,
замена импорта возможна,
чего не скажешь про судьбу.

В начале жизни стать, харизма,
в конце свинцовая заря.
Народ боится катаклизмов
и голосует за царя.

Не экономь на виски, старина,
ведь мы с тобой, считай, миллиардеры.
И все же это не моя страна,
я понял это с первого замера.
Нам нечего продать здесь и купить,
и некого спасать, и не с кем драться.
Здесь не сошлют в тайгу за тунеядство,
но не с кем пить, и не за что топить.

Мы охмуряли длинноногих дам,
когда в кармане не было и цента,
и без боев входили в города,
провозглашая нации и секты.
Рулоны фильмов, хроник и ремейков
отсняли мы вперед на двести лет,
мы в похождениях обогнали Швейка,
а в триллерах нам вовсе равных нет.

И все же это не моя страна,
ее разлад меня не покоробит,
не экономь на виски, старина,
не экономь на собственном здоровье.
Глуши токсины вредоносных чувств
и гнев, и плач, и пiski чьих-то жалоб,
пока я глобус медленно кручу,
не узнавая собственной державы.

Ищу страну, а нахожу дыру,
большую рану с контуром безуглым,
не экономь на водке, милый друг,
чтобы не видеть красное на круглом.
Пей за меня, я бисер не мечу,
увязнув в топкой хляби интернета,
я, друг мой, Землю медленно кручу,
чужую, нелюбимую планету...

ПОЖАР НА ПАТРИАРШИХ

Памяти А. Еременко

Из квартиры выгребли пепел
и сменили двери, замки,
вряд ли зная, кто здесь повесил
скоростные свои коньки,

что жилец великий и странный
здесь вогнал свой ершенный гвоздь...
Саша, Саша, скажи, не рано ль
ты убавил разгон и злость?

В девяностых крыть стало нечем,
все прошло — гулаг и детсад.
И поэт стал себя калечить
потому, что не мог писать

на заборе за иксом игрек
в связке с «ню», в любых падежах.
Ведь Ерема не книжный лирик,
а этап, череда, межа.

На пороге его с бутылкой
разномастный частил народ,
и цеплял он беззубой вилкой
горький лом из вчерашних шпрот.

Но закуска не лезла в глотку,
и окурок шипел в зубах.
Он настырных гостей за водкой
отправлял, чтоб уйти во прах...

но мешала толпа. Однажды
смерть пришла в одиозном сне.
Не огонь разбудил его... жажда
и брандмейстерский ствол в окне,

но пиит уже став чугунным,
выживал в inferно-котлах.
Как известно, слова и струны
не горят на земных кострах.

Вспоминаю, как вечер зимний
невеселый размокший снег
сыпал крошевом в пруд пустынный,
как в аквариум сыплют снесь.

Сиротливо было и сыро,
то ли грипп, то ли морок. Жесть.
Но раскатистый луч квартиры
на седьмом его этаже

полоснул по округе мглистой,
над вороньим проплыв гнездом...
Я не знал, что иду проститься
и уже не вернусь в тот дом.

На интернете пестуют советы
от тех, кто смерть предвидел и спасенье,
а над отелем морщатся от ветра
знамена стран карибского бассейна.
И губернатор вдаль глядит упрямо,
и продает свой взгляд на Амазоне,
жаль, что ему препятствует реклама
дырявых джинсов эры мезозоя.

Вокруг него охрана и обслуга,
такую крепость не прорвешь ковидом,
за ним следит по ящику супруга,
простив геронту старые обиды.
И толпы ждут кино, а может, денег,
в суровых масках воскрешенных зорро,
и континенты жаждут единенья,
объятые величественным взором!

И обнаружат новые задачи
клиенты Дельты и Аэрофлота,
а в зеркале трепещет неудача
реестром сокращения полетов.
Она напрасно ждет... В разгаре лета,
служа другим наукой и примером,
железный голос упразднит билеты,
холодный, как регистр Люцифера.

А левый крайний завтра станет правым,
размазав фланги, он, впередсмотрящий,
забьет на цирк и детские забавы
и выбросит с балкона долбоящик.
Пришла пора остановить движенье,
рассредоточив груз карманной тяги,
и, позабыв налогообложение,
спустить в канавы праздничные стяги...

Translations
ПЕРЕВОДЫ

Online, advice is lovingly dispensed
By those who glimpsed both death and being spared,
While over hotels, wrinkled by the wind,
The banners of Caribbean nations glare.
The governor stares stubbornly ahead,
And sells that stare on Amazon for gold.
Too bad it's blocked by ads that intervene
For Mesozoic jeans, holey and bold.

Around swarm the guards and hired hands,
A fortress no pandemic could undo.
His wife keeps watching via the TV screen,
Forgiving ancient grudges, long since through.
The crowds await a movie or some cash,
In fearsome masks of Zorros resurrected,
And continents crave union unabashed,
At last, by one majestic gaze protected.

New tasks will soon be found, as Delta's clients
And Aeroflot's compare fresh defeats,
As In the mirror dismal failure quivers,
A ledger is cutting back the flights and seats.
She waits in vain... Summer at its height,
A lesson offered, chilling, clean, and clear:
An iron voice abolishes all flights,
As cold as Lucifer's own register.

Tomorrow far-left will change to right.
The flanks are smeared, he gazes far ahead,
He'll ditch the circus, children's games, and
Will toss the boob-tube from the birds' flight height.
The time has come to halt all forward drive,
To spread the weight of pocket-sized desire,
Forgotten taxes gone into oblivion,
The festive banners slid into the mire.

Translated
from "На интернете несутуют советы..."
(page 20)

A strange street boy, a sidewalk oddity,
a specimen of a thoughtful, probing nature,
he learned his part and quietly took root
within the ornament of city architecture.

With a martini stashed in his backpack,
a bottle of cola, and a pinch of reefer
near the city hall he lay down flat,
aligned just so with a Greek god's figure.

And giving noon a touch of modest sin,
he cast a hopeful glance at girls' behinds,
but peered into a barely started tome
to let "The Decline of the West"* into his mind.

Well then, decline, he said, so be it — fine,
and took *consensus omnium* on trust,
while far-off clouds were darkening the skyline,
and a plane bored through the atmosphere's crust.

But he had not cut school to see this scene,
to parse the airlines' tricks and spheres,
a flock of tourists, plaza, TV screen
announcing the series "Goddess' Tears."

* "The Decline of the West" by Oswald Spengler.

No, he had scorned all streams of tears back then,
and that dull town — a chronicle of order,
And cast his mind's shard into the den
of a decline at its early border.

He'll later get a dog, have kids to follow,
become a lawyer at a well-established firm,
and fail to recognize his own shadow
that once looked down on tourists with a smirk.

He'll order ointments for his back that hurts,
brew coffee, throw back a whiskey sour,
and take an unexpected leave from work,
electing a left-centrist to high power.

Every five years, to overwhelm the world,
he'll find a gap between his work and polo,
between his house and the canine horde,
and throw a feast — the scene from late Tiepolo.

And on occasion, he'll betray his wife,
with lazy zeal to spin the rumor's trend,
to forge a theme for words in bitter strife —
a cause for envy from a boyhood friend.

He'll tell his wife about the virgin woods,
complain that the world has gotten uglier,
lecture his son for skipping a day of school
and for the kitchen valve he damaged earlier.

And later, sick and tired of chewing gum,
he'll teach the boy his useful wins and traps,
and a recipe for how to overcome
the vicious cycle of empires' collapse.

The pup will bring a tear to his eye,
and he will weld the valve back on with a blowtorch.
while the elder son, a hunched-over guy,
will hasten the collapse of Rome (or Carthage).

*Translated
from "Мальчишка странный,
уличный курьез..." (page 81)*

*Condemned to eternal laughter,
Yet powerless to smile...*

C. Baudelaire

No prophet, no keeper of chronicles,
ringed by no chain of hierarchies,
a multi-faceted X-ray of the planet Earth
he added to his everyday transcripts.

In the percussion of the megalopolises,
in the crowds — not in basilicas —
he sculpted, at risk of being understood,
an anthology of anti-lyrical.

Not a Plato of societal pendulums,
nor a Molière of estates grown stale,
he reduced the marble for monuments
mass-produced and gilded for sale.

While reading the bluff of the swindlers' crew,
and the babble of fenced-off coteries,
he doubted the aims of the devotees,
and the prophecies of the insensitive.

And robots' unavoidable victory...
He could hand to a tramp or passerby
gilded coins instead of copper ones,
just as long as they didn't lie to him.

And while wandering round the phantom lands,
forest-tundra of cultural runts,
he asked just for the truth from his female friends,
no podcasts of loyalty stunts.

While spitting on castes and fraternities,
on scum in white and pink-clothed rogues,
he named his homeland the Earth's refuse,
a place you can't find a refuge from.

He did not overstate the creative heat,
but did not fool around with fire's decree,
yet struck out from matchbook-sized volumes
sparks of violet sounding sharp and free,

and he saw how in the thawing snow patches
resurfaced the spit of plagiarists,
and how the aviators' loops reflect
in the muddy puddles of the outskirts.

He sized up their moves and summersets,
trivializing all mortal boundaries,
while spinning inside the Devil's wheel —
as a quiet pilot of thought alone.

But he would land in marshland terrain,
when he spotted the evil flowers,
just to raise a small toast to Charles*
and cut down the engine's power.

Translated from "He пророк, не хранитель летописей..." (page 61)

* An allusion to Charles Baudelaire and "Flowers of Evil."

TO CHELSEA — THE HOTEL AND THE MAN

*“After a long renovation, the Chelsea reopened
but lost its former aura.”*

— newspaper headline

“The Chelsea is the most absurd hotel in the world.”

— A. Voznesensky

The renovation isn't moving through,
the locomotive stands on broken rails...
Chelsea, brother, I remember you
not in shackles, not to scaffolds nailed.

Did you say: “Let's smoke a joint”? Cool.
“Let's puff up,” you said, “before we go”?
No! Before the next life, fool.
Even children and old biddies know

that there is no death. The plank floor gleams
with a paint-dripped stars — am I insane —
Morrison just rolled onto the scene...
poets are not watched in this domain.

I'm no idol but I was here too,
with my skinny and sharp-shouldered chick.
Here, Andrey Andreyevich once stood
treating us to a Voznesensky herbal kick.

Scaffold forest? Jungle is your fate
along with acid mushrooms' rainbow highs,
you can tug dear Janis by her braid,
as if we're back again in good old times.

Back when Bobby Dylan bought his jeans
and a biker jacket on Delancey,
years before punk rock came into being,
and Sid Vicious killed himself and Nancy.

Sex Revolver followed to a land
where his bride still waits for him to meet,
staring at the bloody moon since then
he's jerking off in their marital sheets.

And the blackened river seethes and roars,
toppling dams and breaking levees' height.
Shall we do a hundred grams before
Dylan Thomas, timing death just right,

won't open wide room number "two-oh-five"
to burn from whiskey after meeting Sartre?
Repair's a waste — a century gone by,
but we'll be back. Though not tomorrow, after...

*Translated
from "Челси — отелю и человеку"
(page 79)*

He never was correct, nor pleased the teachers,
yet never damned the social order whole,
no rebel either, still his facial features
took punches every other week at school.

He broke the rules, and every other hour
marched out of step and never fixed his act,
and used to say: the world is in God's power,
but hated power as a word in fact.

He didn't scatter cures or recipes,
healing a building which is hopeless, frail,
by skin, or maybe by his ass, he sensed
the pious nonsense in a painted veil.

And simply, by the way, he didn't hide,
proclaiming as a solemn moment went
the sea is blue, and snow, in fact, is white,
and how brown is fresh excrement,

that furnaces of hell are bright and tempting
and dirty laundry is a filthy bit,
he was polite, but not accommodating,
desired love but never searched for it.

And he was not extravagant, but gallant,
he rose and left without saying a word...
Was he a cultist... no, a mutant rather,
in short, plenty of assholes in this world.

The portrait's drawn and the verdict clear:
the flanks unchecked, disorders at the gate,
this type is dangerous, no question here,
to the eternal values of our state.

Translated
from "Он не умел быть правильным,
похожим..." (page 83)

«Шабалин смел в обращении со словом, иногда ироничен, но не избегает прямоговорения. . .»

Александр Ерёмко, поэт (1950–2021)

«Сергей Шабалин — внимательный бытописатель с даром тонкой иронии. Его частный человек вышел из поэтики 70-х. Этот типаж — несовершенный, бегущий от общих вопросов и власти. У него заведомо трагическое мировоззрение, он лишён больших иллюзий, невысокого мнения о себе и человеке вообще, но при этом старательно и трогательно создаёт иллюзии малые. . .»

*Владимир Козлов, поэт, литературный критик,
главный редактор журнала Prosodia*

«Поэтическая ткань Сергея Шабалина эмблематична и мифологична, если речь об орнаменте; многоцветна, если говорить о метафорике/образности; плотна по фактуре, поскольку и густота аллитераций, и мыслям тесно, и метрический ряд строки не даёт возможности читателю расслабиться. У него просто нет выбора. . . Этому сразу и безоговорочно веришь, как и любому творческому механизму, превращающему прошедшее время в настоящее. . .»

*Геннадий Кацов, поэт, эссеист,
зав. отделом поэзии журнала «Эмигрантская лира»*

«Стихи Сергея Шабалина — это не «чистая» поэзия, истекающая осенью, истомой или смертью. Это — истории, ситуации и страсти — в свете состоянии страны. При трезвом взгляде на пьяные парадоксы себя. Тектоника земли слышна в подземном переходе, Конфуций в автобусе с томиком Гумилёва. . . Такой вот оксюморон. Интересно и по боли, и по сюжету».

*Александр А. Пушкин, поэт,
главный редактор журнала «Слово/Word»*

ISBN 978-1-970342-13-0

9 781970 342130